

УДК 72.01

DOI 10.25628/UNIIP.2025.67.4.004

БАГИНА Е. Ю., АРУСТАМЯН М. А.

Три типа архитектурно-градостроительных конфликтов, характерных для неоклассической центральной части Еревана

**Багина
Елена
Юрьевна**

кандидат архитектуры,
доцент, Уральский фе-
деральный университет
им. первого Президента
России Б. Н. Ельцина
(УрФУ), Институт строи-
тельства и архитектуры,
Екатеринбург, Российская
Федерация

e-mail: bagina@mail.ru

**Арустамян
Маргарита
Ареговна**

ассистент кафедры,
Уральский федеральный
университет им. первого
Президента России
Б. Н. Ельцина (УрФУ),
Институт строительства
и архитектуры,
Екатеринбург, Российская
Федерация

e-mail: margarita.
arustamyan@yandex.com

Ереван построен в XX веке на месте древнего Эривани. Градостроительная структура Эривани не была учтена в генеральном плане А. О. Таманяна 1919–1924 годов, что привело к появлению ряда архитектурно-градостроительных конфликтов. Поскольку в XX и XXI веках Ереван развивался в условиях резкой смены архитектурно-градостроительных парадигм, это породило новые конфликты и последующую деформацию реализации замысла города-ансамбля. Выделены три основных типа архитектурно-градостроительных конфликтов, характерных для Еревана: прямолинейный шов, фрагментарный шов и замкнутый шов. Архитектурно-градостроительные конфликты в неоклассической центральной части Еревана разрушают целостность замысла А. О. Таманяна и требуют разрешения в процессе реконструкции.

Ключевые слова: Ереван, генеральный план А. О. Таманяна 1919–1924 гг., архитектурно-градостроительный конфликт, прямолинейный шов, фрагментарный шов, замкнутый шов.

Bagina E. Yu., Arustamyan M. A.

Three types of architectural and urban conflicts typical of the neoclassical central part of Yerevan

Yerevan was built in the twentieth century on the site of ancient Erivan. The urban structure of Erivan was not taken into account in A. Tamanyan's master plan of 1919–1924, which led to a number of architectural and urban planning conflicts. Since Yerevan developed in the twentieth and twenty-first centuries under the conditions of a sharp change in architectural and urban paradigms, this gave rise to new conflicts and the subsequent deformation of the realization of the idea of the city-ensemble. There are three main types of architectural and urban conflicts typical of Yerevan: rectilinear stitch, fragmentary stitch and closed stitch. The architectural and urban conflicts in the neoclassical central part of Yerevan destroys the integrity of A. Tamanyan's master plan and require resolution during the reconstruction process.

Keywords: Yerevan, A. Tamanyan's master plan of 1919–1924, architectural and urban conflict, rectilinear seam, fragmentary seam, closed seam.

Введение

Ереван — город, построенный за короткое время в XX в. на месте одного из самых древних поселений в мире. Поселение, располагавшееся на месте современного Еревана, в 1437–1467 гг. стало значимым городом Эривани. До 1911 г. Эривани представлял собой систему компактных районов-махлов (մաղղ) с многонациональным населением. Три основных района Конд (Կոնդ), Шахар (Շահար) и Дамир-Булах (Դամիր-Բուլախ) обладали уникальными архитектурно-планировочными характеристиками [8].

В 1919 г. политическая ситуация в Закавказье после Первой мировой войны и Геноцида армян 1915 г. дала возможность для Армении обрести независимость и создать национальное государство. Одной из его задач было образование на месте древнего Эривани столицы Армянской Республики — Еревана. Генеральный план пригласили создать известного петербургского архитектора армянского происхождения Александра

Ованесовича Таманяна (Александра Ивановича Таманова). В 1919 г. А. О. Таманян разработал генеральный план новой столицы Армении. В основу идеологии плана была положена модная на рубеже XIX–XX вв. идея города-сада [15].

Вместе с тем А. О. Таманяну заказывали создать проект генерального плана не просто города-сада, а столицы национального государства, поэтому в генеральном плане 1919 г. принципы города-сада совмещены с неоклассическими представлениями о должном облике столицы. Ее масштаб должен был соответствовать численности населения и традициям национальной архитектуры [3]. Это означало, что репрезентативные пространства города должны быть камерными и в то же время монументальными. С этими задачами А. О. Таманян блестяще справился. В результате был запланирован город-ансамбль, основные улицы которого были ориентированы на священную для армян гору Арапат [1].

В 1924 г. идея создания национальной столицы как столицы союзной республики возникла вновь уже в рамках СССР. А. О. Таманян продолжил работу над генеральным планом Еревана в новых политических условиях [15]. В принципе изменений было немного. Но территории, которые должны были застраиваться индивидуальными домами в соответствии с концепцией города-сада, были отданы под малоэтажные квартирные дома. Возникли и другие изменения, которые не сломали рисунок градостроительного каркаса, запланированного А. О. Таманяном в 1919 г.

Вместе с тем таманяновский проект столицы АССР принципиально не учитывал сложившуюся градостроительную структуру Эривани и характер застройки древнего поселения, поскольку ни лабиринтный каркас, ни сложившаяся вернакулярная застройка не попадали в систему ценностей, в которой работал архитектор. Значимостью обладали единичные древние сооружения, но в политических условиях 1920–1930-х гг. сохранить их было не всегда возможно.

В XX в. все города СССР менялись. Новые генеральные планы нередко делались без учета сложившейся планировочной структуры исторических центров, менялись трассировки улиц, сносились доходные дома, усадьбы, соборы и монастыри. На улицах городов с длинной историей в конце 1920-х гг. появились авангардные постройки — дома-коммуны, фабрики-кухни, клубы и пр., архитектура которых принципиально отличалась от того, что строилось в XIX и начале XX в. Эпоха авангарда была краткой, но архитектурно-градостроительные противоречия, возникшие в это время, до сих пор не разрешены. Масштабная трансформация городов СССР в 1930–1950-х гг. не была доведена до конца. Реконструкции помешала Великая Отечественная война. В результате появилось большое количество негармоничных сочетаний нового и старого. Повлияло и послевоенное состояние многих разрушенных городов СССР. То, что было построено в послевоенное время наспех, до сих пор существует, порождая архитектурно-градостроительные противоречия.

Резкая смена архитектурно-градостроительной парадигмы в конце 1950-х гг. усугубила положение. Типовое и высотное строительство в исторических центрах стало причиной дисгармонии. Не улучшилась ситуация и в последующие десятилетия.

Актуальная задача создания комфортной городской среды сегодня не может быть решена без понимания

природы накопившихся архитектурно-градостроительных противоречий и типов архитектурно-градостроительных конфликтов. Для этого необходим тщательный анализ генеральных планов городов, появившихся в рамках профессиональных и политических парадигм конкретного времени, выявление мест, где можно наблюдать наложение разнородных градостроительных структур и дисгармоничное сочетание зданий и сооружений.

Определение характера и типа архитектурно-градостроительного конфликта даст возможность наметить реконструктивные действия. Как показывает анализ, типы архитектурно-градостроительных конфликтов одинаковы для большинства городов постсоветского пространства.

Противоречия планировки и застройки древнего Эривани и нового Еревана стали своеобразной бомбой замедленного действия. Именно они породили архитектурно-градостроительные конфликты, не разрешенные до настоящего времени. Поэтому опыт выявления архитектурно-градостроительных конфликтов в Ереване применим в практике градостроительной реконструкции практически всех городов постсоветского пространства.

Методологическая основа исследования

Проблеме структурных противоречий городской среды посвящены работы В. Л. Глазичева, А. Л. Гельфонд [4], А. В. Иконникова, А. Г. Раппапорта, К. Линча, М. В. Шубенкова [11], исследующих город как систему, что актуально и для данной работы. О смешении разновременной городской застройки пишут теоретики архитектуры Колин Роу и Фред Кеттер в книге «Город-коллаж», обращая внимание на сложности достижения целостности в современных условиях. Особенности развития армянского градостроительства и архитектуры, доказывающие его самобытность, представлены в работах К. Р. Азатян [1], В. М. Арутюняна [2], М. М. Асатрян, К. В. Бальяна, М. А. Гаспарян [3], Л. К. Долуханян, Ш. М. Нраняна [8] и др. Работа А. В. Иванова ценна обращением к вернакуляру Еревана [6]. Они составляют фактографическую базу нашего исследования.

Архитектурно-градостроительный конфликт

Архитектурно-градостроительный конфликт можно определить как комплекс формально-композиционных противоречий, несовместимых

с доминирующими на данной территории принципами градостроительного и объемного формообразования [10; 13; 14].

Архитектурно-градостроительная конфликтная зона — территория, где сосуществуют противоречивые композиционные принципы.

Примиримый архитектурно-градостроительный конфликт — конфликт, который можно разрешить без сноса зданий и сооружений и изменения типа градостроительного каркаса.

Частично примиримый архитектурно-градостроительный конфликт — конфликт, который можно разрешить композиционными средствами (изменение цветового и фактурного баланса, введение элементов озеленения, изменение силуэтных планов, частичный снос).

Непримиримый архитектурно-градостроительный конфликт — конфликт, который невозможно разрешить без сноса зданий и сооружений и изменения структуры каркаса.

Когда в городской среде по разным причинам возникает архитектурно-градостроительный конфликт, формируется граница между старой и новой застройкой, организованная в соответствии с разнородными градостроительными каркасами [11]. Эта граница подобна шву, соединяющему разнородные куски ткани. Шов всегда заметен, и именно в том месте, где он проходит, происходят деформации и разрывы. Поэтому природа архитектурно-градостроительного конфликта может быть описана как шов. Шов — это линия примыкания старой застройки к новой без смягчающей буферной зоны.

Используя понятие «шов», можно выделить следующие типы архитектурно-градостроительных конфликтов:

- прямолинейный шов — прямая линия границы разнородных планировочных структур и разновременной застройки;
- фрагментарный шов — прерывающаяся линия границы разнородных планировочных структур и разновременной застройки;
- замкнутый шов — замкнутая линия границы разнородных планировочных структур и разновременной застройки, выделяющая «островок» старой или новой застройки в массиве инородных по структуре каркаса и ткани.

В случае, когда выраженного шва на уровне градостроительного каркаса нет, и архитектурно-градостроительный конфликт развивается

Иллюстрация 1. Прямолинейный шов. Примеры. Схема Е. Ю. Багиной, М. А. Арустамян. 2025 г.

на уровне градостроительной ткани, то есть вступают в противоречивые формально-композиционные отношения здания и сооружения, попадающие в значимые визуальные кадры, можно выделить следующие типы архитектурно-градостроительных конфликтов:

- силуэтный дисбаланс;
- визуальный разрыв;
- дисбаланс визуальной сложности.

Архитектурно-градостроительный конфликт, развивающийся по типу прямолинейного шва, возникает в случаях, когда улица, спроектированная в соответствии с генеральным планом города, созданным в рамках новой градостроительной парадигмы, разрезает сложившуюся градостроительную структуру, выстроенную в соответствии с предшествующей парадигмой.

Появление первых архитектурно-градостроительных конфликтов связано с тем, что вернакулярная застройка попадала в планировочную структуру новых кварталов с регулярной планировкой; в условиях антирелигиозной борьбы 1920–1930-х гг. культовые древние сооружения либо сносились, либо утрачивали свое доминантное положение [4; 12].

Так, согласно генеральному плану 1924 г. А. О. Таманяна, один из основных проспектов — проспект Маштоца (Մաշտոցի պողոտա) — рассек сложившийся средневековый лабиринтный каркас исторического района (махла) Шахар. Два мира разделял и во многих местах до сих пор разделяет этот прямой, как луч, проспект Еревана, завершающийся в районе типичного для городов-садов зеленого бульварного полукруга. Не случайно именно здесь возникли архитектурно-градостроительные конфликты.

К середине 1930-х гг. с одной стороны проспекта были проложены широкие тротуары и построены монументальные неоклассические здания (например, дом-коммуна, так называемый «Дом специалистов», арх. Н. Буниatian, 1936 г.), с другой стороны располагалась в это время вернакулярная застройка XIX в. — старинные усадьбы, окруженные глухими каменными заборами, проулки, тупики и т. п. [15]. Исторические усадьбы малой этажности стояли временами под странными углами по отношению к проспекту. Улицы, веками обеспечивавшие связность кварталов древнего Эривани, превратились в тупики, что во многом до сих пор затрудняет функционирование проспекта.

Прямолинейные швы

Прямолинейные швы, образовавшиеся при реализации генерального плана Таманяна в 1930–1950-е гг. и сохраняющиеся по сей день, разрушили некогда целостную градостроительную структуру Эривани, что привело к разрыву устоявшихся связей между ключевыми объектами (например, между церковью Святого Ованеса (Սուրբ

Հովհաննիս) и базаром старого Эривани, которые были точками притяжения для жителей [2]).

Прямолинейный шов — комплекс резких противоречий. В городах, подобных Еревану, именно такого типа архитектурно-градостроительные конфликты наиболее опасны: они разрушают целостность как каркаса, так и ткани центральной неоклассической части города (Иллюстрация 1).

Важно подчеркнуть, что прямолинейный шов — не случайность, а эволюционная закономерность жизни города в условиях, которые архитекторы и градостроители изменить были не в силах. Прямолинейные швы — ключ к пониманию урбанистической истории Еревана и других городов на постсоветском пространстве, где они тоже повсеместно возникали.

Фрагментарный шов

Фрагментарный шов представляет собой более сложный архитектурно-градостроительный конфликт, чем прямолинейный шов. В отличие от прямолинейного шва, аналогичного хирургическому разрезу в массиве разновременной застройки, фрагментарный шов формируется в результате длительной и нередко скачкообразной эволюции города. Проникновение одной планировочной структуры в другую сопровождается процессом взаимной адаптации или тотального отторжения [11]. Процесс срастания разновременной городской ткани проявляется часто в виде фрагментарной (прерывистой) линии, заметной на планах. Она зачастую имеет разную ширину, в отличие от линии прямолинейного шва, поскольку в пределах фрагментарного шва перемешана застройка разных периодов, принадлежащая к разным стилям, отличающаяся по этажности.

Фрагментарный шов может менять свои геометрические характеристики во времени, поскольку происходящие процессы сжатия и разрывов городского каркаса и ткани идут непрерывно, что характерно для городов с длинной историей (Иллюстрация 2).

Внедрение гипподамовой сетки в традиционную градостроительную структуру Эривани в середине XIX в. породило прямолинейные и фрагментарные швы. Фрагментарные швы возникли на территории бывшего района (махла) Шахар в его юго-восточных и юго-западных частях. Регулярная застройка новых улиц там не была завершена в XIX в., и в лакуны средневекового лабиринта проникли фрагменты гипподамовой сетки (произошло наложение разнородных структур градостроительных каркасов).

Фрагментарный шов — своеобразная ловушка, аккумулирующая элементы различных исторических эпох. В зоне, где формируется архитектурно-градостроительный конфликт такого типа, наблюдается хаотичная смена масштабов застройки, смешение участков различного

Иллюстрация 2. Фрагментарный шов. Примеры. Схема Е. Ю. Багиной, М. А. Арустамян. 2025 г.

функционального назначения, резкий контраст этажности. Возникает своеобразный гетерохронный коллаж.

Если город строится по единому плану в короткое время на месте старого поселения, как это было с Ереваном, то именно фрагментарные швы с их запутанной конфигурацией линий каркаса и разнородной застройкой представляют наибольшую сложность и требуют повышенного внимания в процессе реконструкции.

В Ереване в XXI в. архитектурно-градостроительные конфликты развивались по типу фрагментарного шва в центральной неоклассической части, где они сформировались в основном в 1930–1950-х гг. Вернакулярная застройка XIX и более ранних веков сносится до сих пор. На ее месте строятся высотные объекты различного назначения. Как правило, они не имеют благоустроенной территории, хороших подъездов, парковок. Новое строительство только усугубляет и без того сложную градостроительную ситуацию.

Архитектурно-градостроительные конфликты, сформировавшиеся по принципу фрагментарного шва, можно охарактеризовать как градостроительные рубцы, получившиеся в результате незавершенной трансформации города. Менее агрессивный, чем прямой разрез, фрагментарный шов представляет собой зону хронического градостроительного конфликта, переведенного в латентную форму. Так, в районе улиц Абовяна (Աբովյան) и Налбандяна (Նալբանդյան) проявляется характерный архитектурно-градостроительный конфликт, развивающийся по типу фрагментарного шва (Иллюстрация 2).

Культовые здания и сооружения армянской апостольской церкви — храм Святой Анны (Սուրբ Աննա), построенный в XIII в. и стоявший рядом утраченный в 1936 г. собор Католикоса (Կաթողիկոս) XIII в. доминировали некогда на фоне малоэтажной вернакулярной застройки, заполнявшей изгибающиеся по рельефу улочки, переулки и тупики. При реализации генерального плана 1924 г. культовые здания утратили градостроительное значение, частные дома с внутренними дворами и небольшими садами, некогда окружавшие культовый комплекс, сносились по частям на протяжении всего XX в. [2].

Территория комплекса Котогике, распланированная в соответствии с неоклассическим планом А. О. Таманяна, попала в несвойственную ей градостроительную ситуацию, которая разрушала четкие линии основных улиц, застроенных 4–5-этажными домами, облицованными армянским туфом, с лоджиями, портиками, ордерными элементами, национальным декором [1]. Трассировка улиц была скорректирована: образовалась клиновидная буферная зона между новыми улицами, что сломало стройную систему

гипподамовой сетки, намеченной в генеральном плане 1919–1924-х гг.

В 1930-х гг. трассировка улиц не была скорректирована с учетом сохранения церкви Святой Анны XIII в. Перед церковью возник Институт языковедения им. Г. Ачаряна (Հրաչյա Աճառյանի անվան Լեզվի հետազոտություն). Церковь Святой Анны использовалась в этот период как архивное помещение института (Иллюстрация 2).

Базиликальный собор Католикоса, мешавший реализации нового плана в большей степени, чем компактная церковь Святой Анны, снесен в 1936 г. Последняя характерная рядовая застройка XIX и более ранних веков, окружавшая его и церковь Святой Анны, убрана в 1960-х гг. [15]. На свободных местах, образовавшихся после сноса индивидуальных построек, выросли в 1970–1980-х гг. типовые 9–12-этажные дома. Церковь Святой Анны, попавшая во двор Института языковедения им. Г. Ачаряна, который снесен в начале 2000-х гг., долгое время находилась на грани разрушения. Ее начали реставрировать в 2009 г., когда было принято решение создать в этом месте комплекс резиденции Католикоса всех армян.

В это же время восстановлен собор Католикоса. При восстановлении он был сдвинут, поставить его на прежнее место не представлялось возможным без существенной перестройки. На первый план при реконструкции вышла старая церковь Святой Анны, что позволило перепланировать территорию и открыть перспективу с улиц Саят-Нова (Սայաթ-Նովա) и Абовяна на культовый комплекс. Фоном для базилики Католикоса и древней церкви Святой Анны стала новая резиденция Католикоса всех армян, возведенная в 2014 г. архитектором Ваагном Мовсесяном (Վահագն Մովսիսյան) (Иллюстрация 2). Получился целостный культовый центр, включающий древнюю церковь, восстановленный собор, а также новую резиденцию Католикоса всех армян. В градостроительном плане реконструктивные действия привели к частичной гармонизации территории, где сформировался архитектурно-градостроительный конфликт по типу фрагментарного шва. К сожалению, рядом с культовым комплексом на улице Саят-Нова в конце 1970-х гг. построено 12-этажное здание, а по улице Абовяна к комплексу примыкает разновременная типовая застройка.

Перестроенные пешеходные связи на территории, окружающей культовый комплекс, отчасти решили проблемы, но транспортные связи так и не были выстроены до конца.

В других местах центральной неоклассической части Еревана тоже сформировались архитектурно-градостроительные конфликты по типу фрагментарного шва. На этих

Иллюстрация 3. Замкнутый шов. Примеры. Схема Е. Ю. Багиной, М. А. Арустамян. 2025 г.

территориях наложение разнородных градостроительных структур инициировало ситуации, когда многие новые здания XX в. были возведены в соответствии с фрагментами исторического лабиринтного каркаса, что создало противоречивую ситуацию, ломающую стройность неоклассического градостроительного замысла Александра Таманяна.

Примеры архитектурно-градостроительных конфликтов, развивающихся по типу фрагментарных швов, показывают, что преодоление хаоса, возникающего в зоне фрагментарного шва, требует понимания истории его формирования. Для этого необходим анализ характерных планировочных решений, свойственных разным архитектурно-градостроительным парадигмам. Если новая система ценностей отрицает принципы той, которую она меняет, и нет уважения к традициям прошлого, то возникновение архитектурно-градостроительных конфликтов на исторической территории неизбежно. Пример с церковью Святой Анны и собором Катогике показывает, как непримиримый архитектурно-градостроительный конфликт, развивавшийся по типу фрагментарного шва, за счет сноса здания становится примиримым.

Замкнутый шов

Замкнутый шов — тип архитектурно-градостроительного конфликта, при котором фрагмент одной планировочной структуры оказывается полностью заключенным внутри другой. Внутренняя градостроительная структура — анклава, внутри которого оказывается либо историческая застройка, либо новая. На границе возникает линия замкнутого шва. Она имеет либо переменную, либо одинаковую ширину.

Замкнутый шов чаще всего формируется, когда новая планировочная структура не сочетается со сложившейся и обтекает ее. В результате историческая (или новая) застройка оказывается окруженной со всех сторон той, для которой характерен иной рисунок градостроительного каркаса.

Иногда внешнюю оболочку анклава старой застройки образуют новые здания, некоторые из которых иногда ставят в соответствии с градостроительной структурой, характерной для анклава, а прочие в соответствии с новой градостроительной структурой. Часто фасады, принадлежащие зданиям, поставленным в соответствии с новой градостроительной структурой, выходят к застройке, находящейся внутри анклава, дворовыми фасадами. Именно так и происходило в Ереване, когда началась реализация плана А. О. Таманяна и возникли фасадные ширмы парадных улиц. Внутри сохранялись островки старой вернакулярной застройки с лабиринтной сетью улиц, переулков, тупиков и пр. Связь анклава с внешним миром осуществляется,

как правило, через немногочисленные «ворота» — узкие проезды, арки, лестницы [6] (Иллюстрация 3).

Замкнутый шов возник вокруг частично сохранившегося комплекса мечети Мухаммеда Сертиб-хана (Մուհամմէդ Սըրթիբ-խան) и медресе, построенного в начале XIX в. Этот комплекс был органическим элементом средневекового многонационального Эривани, где соседствовали мусульманские и христианские святыни [2].

План А. О. Таманяна предполагал создание регулярной системы парадных улиц и каскада площадей с непрерывным фронтом застройки. Мечеть оказалась «инородным телом» в этой системе. Здание мечети с минаретом сохранялось вплоть до 1980-х гг. Однако она была существенно перепланирована внутри и стала многоквартирным жилым домом [6]. Такие парадоксы повсеместно происходили с культовыми зданиями на территории СССР. Расположение квартир в бывшей мечети — не самый вопиющий случай.

Квартал в границах улиц Налбандяна — Туманяна — Азизбекова, ныне ул. Республики, и Нариманова, ныне ул. Вардананц, со стороны магистралей был застроен неоклассическими жилыми домами и общественными зданиями, однако на дворовых территориях сохранялась лабиринтная структура каркаса и исторические постройки. Комплекс мечеть частично сохранился, но уже в 1930-х гг. заключен в замкнутый контур новых кварталов. Прямые улицы нового неоклассического центра Налбандяна и Туманяна, предназначенные для интенсивного движения, создали противоречивую ситуацию с внутренней частью квартала. Сохранившаяся часть старого города вокруг мечети, где снижается динамика движения, резко контрастирует по своей структуре с застройкой XIX–XX вв.

Необходимо отметить, что территории внутри замкнутого шва могут иметь и существенные размеры. Примером такой территории в Ереване служит исторический район Конд, который остро нуждается в реконструкции [6].

Закключение

Появление на протяжении XX в. архитектурно-градостроительных конфликтов разных типов в структуре каркаса и ткани Еревана связано с резкими сменами архитектурно-градостроительных парадигм. Лабиринтная структура отдельных районов (махлов) древнего Эривани и складывающиеся веками связи между ними не были учтены в генеральном плане А. О. Таманяна 1919–1924 гг. Противоречия между лабиринтным каркасом, вернакулярной тканью Эривани и неоклассической планировкой новой столицы привели к возникновению ряда архитектурно-градостроительных конфликтов, большинство из которых не разрешено. На протяжении XX в. при смене

архитектурно-градостроительных парадигм количество архитектурно-градостроительных конфликтов кратно возросло. Высотное строительство XXI в. в центре Еревана усугубило положение.

Типы архитектурно-градостроительных конфликтов — прямой линейный шов, фрагментарный шов и замкнутый шов практически не меняются на протяжении всей истории Еревана. Но высотное строительство эпохи модернизма и постмодернизма в неоклассическом «таманяновском» центре добавило новые архитектурно-градостроительные конфликты, которые можно характеризовать как силуэтный дисбаланс, визуальный разрыв и дисбаланс визуальной сложности.

При проектировании нового генерального плана Еревана необходимо выявление сложившихся зон архитектурно-градостроительных конфликтов, определение их типов и принятие решения о возможности разрешения или смягчения. Понимание природы конфликта и истории его возникновения необходимо для принятия проектных решений.

Список использованной литературы

- [1] Азатян К. Р., Енгоян А. Р. Архитектура центра Еревана в прошлом и в настоящем // Региональная архитектура и строительство. — 2014. — № 3. — С. 137–144. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22260705>.
- [2] Арутюнян В. М., Сафарян С. А. Памятники армянского зодчества. — М., 1951. — 243 с. — URL: <https://elibrary.ru/handle/123456789/217927>.
- [3] Гаспарян М. А. Архитектура Еревана XIX и начала XX века: Город в пространстве и времени. — Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2018. — 476 с.
- [4] Гельфонд А. Л. Концепция формирования потенциальных пространственных каркасов исторических поселений // Academia. Архитектура и строительство. — 2019. — № 1. — С. 26–34. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37237865>. — DOI: 10.22337/2077-9038-2019-1-26-34
- [5] Гоуард Э. Города будущего: С предисловиями автора и переводчика к русскому изданию и 5-ю диаграммами / пер. с англ. А. Ю. Блох. — СПб, 1911. — XVIII, 176 с. [факсимильное изд.]. — URL: <https://tehne.com/library/ebenizer-gouard-goroda-budushchego-s-peterburg-1911>.
- [6] Иванов А. В. Вернакулярная архитектура Еревана XIX — середины XX века. Средовая ценность и необходимость сохранения // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2016. — № 1 (6). — С. 264–282. — URL: <https://vvvia.elpub.ru/jour/issue/viewIssue/15/8>.
- [7] Лапшина Е. Г. Формула новой архитектуры — динамика пространства // Вестн. МГСУ. — 2012. — № 1. — С. 17–21. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17928805> (дата обращения: 03.12.2025).
- [8] Нранян Ш. М. История армянского градостроительства (1828–1991 гг.): учеб. пособие. — Ереван: ՃՀՀԱՀ, 2022. — 128 с.
- [9] Объемно-пространственная композиция: учеб. пособие / под ред. Н. В. Оболенского. — М.: Архитектура-С, 2007. — 378 с.
- [10] Салингарос Н. А. Чарльз Дженкс и новая парадигма в архитектуре. Глава из книги «Анти-архитектура и деконструкция: триумф нигилизма» // Международный журнал исследований культуры. — 2016. — № 4 (25). — С. 59–71. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28158513>.
- [11] Шубенков М. В. Структурные закономерности архитектурного формообразования: учеб. пособие

для студентов, обучающихся по направлению «Архитектура». — М.: Архитектура-С, 2006. — 320 с.

- [12] Bronner S.J. The problematic vernacular // J. of Ethnology and Folkloristics. — 2022. — Vol. 16. — Iss. 2. — 15 p. — URL: <https://ojs.utlib.ee/index.php/JEF/article/view/22756>. — DOI: 10.2478/jef-2022-0010
- [13] Capello R. Recent theoretical paradigms in urban growth // European Planning Studies. — 2013. — Vol. 21. — Iss. 3: The New Urban World. — P. 316–333. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09654313.2012.716244>. — DOI: 10.1080/09654313.2012.722937
- [14] Gottdiener M., Feagin J.R. The paradigm shift in urban sociology // Urban Affairs Quarterly. — 1988. — Vol. 24. — Iss. 2. — P. 163–187. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/004208168802400201>. — DOI: <https://doi.org/10.1177/004208168802400201>
- [15] Մխիթարյան Ն. Երևանի Հանրապետության հրապարակի ծավալատարածական հորինվածքի վերլուծություն // Scientific Papers of National University of Architecture and Construction of Armenia. — 2023. — Vol. 85. — Iss. 1. — P. 112–124. — URL: <https://sp.nuaca.am/index.php/sp/article/view/17>. — DOI: 10.54338/18294200-2023.1-12 (дата обращения: 12.10.2025). — Текст на арм. яз.

References

- [1] Azatyan K.R., Engoyan A.R. Arhitektura centra Erevana v proshlom i v nastoyashchem // Regional'naya arhitektura i stroitel'stvo. — 2014. — № 3. — S. 137–144. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22260705>.
- [2] Arutyunyan V.M., Safaryan S.A. Pamyatniki armyanskogo zodchestva. — M., 1951. — 243 s. — URL: <https://elibrary.ru/handle/123456789/217927>.
- [3] Gasparyan M.A. Arhitektura Erevana XIX i nachala XX veka: Gorod v prostranstve i vremeni. — Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2018. — 476 s.
- [4] Gel'fond A.L. Konceptiya formirovaniya potencial'nykh prostranstvennykh karkasov istoricheskikh poselenij // Academia. Arhitektura i stroitel'stvo. — 2019. — № 1. — S. 26–34. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37237865>. — DOI: 10.22337/2077-9038-2019-1-26-34
- [5] Gouard E. Goroda budushchego: S predisloviyami avtora i perevodchika k russkomu izdaniyu i 5-yu diagrammami / per. s angl. A. Yu. Bloh. — SPb, 1911. — XVIII, 176 s. [faksimil'noe izd.]. — URL: <https://tehne.com/library/ebenizer-gouard-goroda-budushchego-s-peterburg-1911>.
- [6] Ivanov A.V. Vernakulyarnaya arhitektura Erevana XIX — serediny XX veka. Sredovaya cennost' i neobhodimost' sohraneniya // Voprosy vseobshchey istorii arhitektury. — 2016. — № 1 (6). — S. 264–282. — URL: <https://vvvia.elpub.ru/jour/issue/viewIssue/15/8>.
- [7] Lapshina E.G. Formula novoy arhitektury — dinamika prostranstva // Vestn. MGSU. — 2012. — № 1. — S. 17–21. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17928805> (data obrashcheniya: 03.12.2025).
- [8] Nranian Sh.M. Istoriya armyanskogo gradostroitel'stva (1828–1991 gg.): ucheb. posobie. — Erevan: ՃՀՀԱՀ, 2022. — 128 s.
- [9] Ob'emno-prostranstvennaya kompozitsiya: ucheb. posobie / pod red. N.V. Obolenskogo. — M.: Arhitektura-S, 2007. — 378 s.
- [10] Salingaros N.A. Charl'z Dzhenks i novaya paradigma v arhitekture. Glava iz knigi «Anti-arhitektura i dekonstruktsiya: triumf nigilizma» // Mezhdunarodnyj

- zhurnal issledovanij kul'tury. — 2016. — № 4 (25). — S. 59–71. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28158513>.
- [11] Shubenkov M.V. Strukturnye zakonomernosti arhitekturnogo formoobrazovaniya: ucheb. posobie dlya studentov, obuchayushchihся po napravleniyu «Arhitektura». — M.: Arhitektura-S, 2006. — 320 s.
- [12] Bronner S.J. The problematic vernacular // J. of Ethnology and Folkloristics. — 2022. — Vol. 16. — Iss. 2. — 15 p. — URL: <https://ojs.utlib.ee/index.php/JEF/article/view/22756>. — DOI: 10.2478/jef-2022-0010
- [13] Capello R. Recent theoretical paradigms in urban growth // European Planning Studies. — 2013. — Vol. 21. — Iss. 3: The New Urban World. — P. 316–333. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09654313.2012.716244>. — DOI: 10.1080/09654313.2012.722937
- [14] Gottdiener M., Feagin J.R. The paradigm shift in urban sociology // Urban Affairs Quarterly. — 1988. — Vol. 24. — Iss. 2. — P. 163–187. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/004208168802400201>. — DOI: <https://doi.org/10.1177/004208168802400201>
- [15] Մխիթարյան Ն. Երևանի Հանրապետության հրապարակի ծավալատարածական հորինվածքի վերլուծություն // Scientific Papers of National University of Architecture and Construction of Armenia. — 2023. — Vol. 85. — Iss. 1. — P. 112–124. — URL: <https://sp.nuaca.am/index.php/sp/article/view/17>. — DOI: 10.54338/18294200-2023.1-12 (data obrashcheniya: 12.10.2025). — Tekst na arm. yaz.

Статья поступила в редакцию 05.12.2025.
Опубликована 30.12.2025.

Багина Елена Юрьевна

кандидат архитектуры, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ), Институт строительства и архитектуры, Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: bagina@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7336-0187

Bagina Elena Yu.

PhD of Architecture, Associate Professor Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (UrFU), Institute of construction and architecture, Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: bagina@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7336-0187

Арустамян Маргарита Ареговна

ассистент кафедры, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ), Институт строительства и архитектуры, Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: margarita.arustamyan@yandex.com
ORCID ID: 0000-0001-9018-2554

Arustamyan Margarita A.

Assitant, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (UrFU), Institute of construction and architecture, Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: margarita.arustamyan@yandex.com
ORCID ID: 0000-0001-9018-2554